

18+

Черный воробей

Михаил Карпов

Михаил Карпов

Чёрный воробей

«Издательские решения»

Карпов М. М.

Чёрный воробей / М. М. Карпов — «Издательские решения»,

В мире, где тайные организации плетут паутину заговоров, а системы контроля держат людей в железных тисках, начинается история Лизы — девушки, попавшей в эпицентр смертельной игры. Это история о силе духа, верности дружбе и праве человека на свободу. О том, как из пепла трагедии рождается новая жизнь, а из осколков разбитых надежд — непоколебимая воля к борьбе. В этой книге каждый читатель найдёт ответы на вечные вопросы: что такое справедливость, какова цена мести.

© Карпов М. М.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Вступление	7
Глава 1: Конверт с красной печатью	8
Глава 2: Школа птиц	13
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Чёрный воробей

Михаил Михайлович Карпов

© Михаил Михайлович Карпов, 2026

ISBN 978-5-0071-1798-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Произведение представляет собой психологический триллер с элементами жестокости и скрытым подтекстом.

Не рекомендуется лицам младше 18 лет

Каждый выбор в этом мире приводит к последствиям.

И в этом рассказе Вам придётся пережить путь героинь от жертвы до охотниц.

Вступление

В мире, расколотом на осколки реальности, где красота и сила переплетаются в смертоносной игре, начинается наша история. Здесь грань между добром и злом размыта, а каждый выбор может стать роковым.

Это история о том, как девочка стала хищницей. О том, как жизнь меняет судьбы. О дружбе, которая выдержала испытание предательством. И о любви, которая оказалась сильнее ненависти.

Добро пожаловать в мир, где каждый выбор имеет цену.

Глава 1: Конверт с красной печатью

Девушка проснулась раньше, чем прозвенел будильник. Встала с кровати, посмотрела в окно, потянулась, как прежде. За окном было темно, красиво мелькали звезды. С её комнаты, которая находилась на мансардном третьем этаже дома, в котором она жила, открывался отличный вид из окна на небо. Будучи совсем ещё юной она увлекалась астрономией. В это окно был направлен телескоп и в свободное время она любила посмотреть на созвездия. Так увлекаясь помечтать и понаблюдать за чем-то необъятным, необъяснимым. Слева от телескопа стоял угловой стол, где в уединении можно было заниматься рисованием. Занятия спортом практически отнимали все свободное время: акробатика, рукопашный бой, танцы и занятия в школе музыки. Для своих полных 16 лет Елизавета была достаточно замкнутой. Друзья не часто приглашали гулять или на какие-то мероприятия, потому что все в основном уже понимали, что вместо праздника в приоритете будет выбрано саморазвитие.

Сегодня снова снилось небо. Оно было таким близким — я могла коснуться звёзд пальцами. Проснулась с ощущением, что где-то потеряла что-то важное. Нашла старый блокнот. Решила записывать мысли — вдруг так получится удержать то, что ускользает. Вчера перед сном увидела падающую звезду — завораживает. Загадала желание. Время в тот момент, оно, как будто замедлилось и в эти несколько секунд все мои мысли и тревоги покинули меня, после чего я умиротворенно погрузилась в мир грёз. Хорошо, что родители разрешили мне выбрать любимые тона моей маленькой обители на мансарде.

Изначально мама хотела сделать всё сама, зелёные обои, как цветы на подоконнике, она очень любит цветы. Хотела бы я так же относиться к чему-то обыкновенному, но мой внутренний мир более объёмен. Мне не нужны эти цветы на подоконнике, как и на обоях, какие она хотела поклеить, даже светильники на стене в форме веток и лепестков. Хорошо, что папа её отговорил и дал мне сделать собственный выбор. Мне больше по нраву антиквариат и раритетные вещи, индивидуально подобранные мной.

Уж очень не нравится, когда мне хотят навязать вещь, которая мне не по вкусу.

Комната была обставлена в бордовые тона. Возле двухспальной кровати с гравировкой в изголовье стояли тумбочки с узорами, светильники в форме подсвечников. На стене полки, на которых хранились достижения по спорту. Напротив кровати пылился телевизор, на который никогда не хватало времени, в углу мирно ждала своего часа гитара. Вход на мансардный этаж огораживала резная дубовая дверь.

Скрипнули ступеньки за дверью:

— Лизонька, просыпайся, — сказала мать, открывая дверь в комнату. — Танюша нашла какое-то письмо в почтовом ящике — к нему был приклеен цветочек. Оно адресовано тебе. Неужели у тебя появился тайный поклонник? — засмеялась она.

Лиза (вздыхая):

— Мам, ну какой поклонник? И даже если бы он был, ты бы уже всё знала! Разве Таня нашла бы записку и не прочитала? Это была бы не наша Таня. Да и ты бы уже знала всё до последней строчки.

Мать:

— Ну будет тебе! Не наговаривай на сестру. Спускайся завтракать, уже почти всё готово.

Лиза:

— А ты уже покормила Балту? (Собака породы Алабай охраняла дом, она часто любила кормить её сама. Так же в доме было две кошки, одну звали Клата, другую Плута — да, к именам животных у Елизаветы с детства был не обычный подход.)

Мать:

— Конечно нет! Я знаю, как это важно для тебя. Ну всё, я жду внизу.

Лиза:

— Хорошо, сейчас спущусь, только оденусь.

«Что это ещё за конверт? От кого он?» — задумалась Лиза. — «Потом прочту... Нет, сейчас. Времени мало. Ай, да ладно».

Она открыла конверт. Внутри лежал лист с надписью:

«Я буду ждать тебя после уроков за школой. Чёрная БМВ, номер У771СС. Информация, которую я хочу передать, очень важна для тебя».

Внизу стояли инициалы «Е.С.» и странная красная печать с узором: влево смотрел лев, вправо — орёл. Рисунок переливался, словно старинная монета.

«Это утро какое-то не такое», — подумала Лиза и, не одевшись, побежала искать сестру. Спустившись на этаж ниже, она ворвалась в комнату Тани.

Лиза:

— Ты читала это? Что это?!

Таня:

— Да, Лиз, я не знаю. Я даже не знала, как тебе это передать. Письмо было не в нашем почтовом ящике. Возле школы ко мне подошёл человек — весь в чёрном. От него веяло холодом, но он успокоил меня, сказав, что он друг и желает добра. Дал конверт и вот эти деньги, попросил никому не говорить и передать тебе. — Таня показала пачку купюр толщиной в сантиметр.

Лиза:

— Я боюсь. Там написано про встречу с этим человеком... Давай скажем отцу?

Таня:

— Думаю, не нужно. Давай ты скажешь мне место встречи, а я послежу и, если что — наберу отцу? Он не выглядел маньяком, Лиз...

Лиза:

— Боюсь, но давай так сделаем. Почему он подошёл к тебе и зачем ему нужна я? Давай узнаем.

Таня:

— Решать тебе. Но он правда не страшный — голос спокойный, даже в глазах было какое-то сопереживание.

Лиза:

— Хорошо. Давай одеваться. Нас мать ждёт завтракать, мне ещё Балту кормить.

Таня:

— Встретимся за столом!

Лиза покормила Балту и села за стол.

Мать:

— Твой любимый жульен!

Лиза:

— Спасибо, мам.

Сестры обменялись взглядами, полными вопросов.

В школе этот день ощущался совсем по-другому. Ожидание встречи заставляло нервничать, руки не хотели записывать текст в тетрадь, настроение на учёбу было подавлено. В итоге после второго урока Лиза подошла к Тане и сказала, что нужно отпрашиваться с занятий и уединиться, чтобы продумать план действий, если вдруг что-то пойдёт не так.

Девчонки посмотрели за школой — пока там не было машины. Дождавшись начала урока, они вышли в беседку во дворе.

Таня:

— Чем ближе к действию, тем более жим-жим, да?

Лиза:

— И не говори. Внутри меня трясёт. Хотя вот подумай: если бы он хотел сделать что-то плохое, он бы стал вот так заходить издалека? Мне кажется, он бы просто сделал.

Таня:

— Ну да, я и говорю тебе, он не показался мне опасным, даже наоборот — вызвал чувство какого-то доверия.

Лиза:

— Надеюсь...

Как только она договорила эту фразу, в воздухе повисла тишина. Послышались шаги — кто-то подходил к беседке. Девчонки замерли в ожидании: беседку окружала растительность, и кроме входа ничего не было видно.

— Извиняюсь за беспокойство, меня зовут Евгений. Могу я присоединиться к вам сейчас или подождём окончания уроков? — произнёс человек в чёрном костюме, по-видимому, сшитом на заказ. Ботинки из натуральной кожи напоминали офицерские. Волосы были коротко пострижены, глаза закрывали чёрные очки, в руках — кожаная чёрная папка-портфель.

Девчонки смотрели на него ошеломлёнными глазами. Таня тронула Лизу за руку: «Это он».

Лиза:

— Эм... Да, а зачем ждать окончания уроков?

Евгений:

— Как же? Наша встреча была назначена после уроков. Вот я и интересуюсь, не заняты ли вы сейчас?

Лиза:

— Мы сейчас уже не заняты. Зачем я вам? Зачем это письмо? И если вам нужна я, то отпустите Таню! — произнесла она взволнованным тоном.

Евгений:

— Девушки, успокойтесь. Я никого не задерживаю и не держу. Эта встреча необходима более вам, нежели мне.

Лиза:

— Ладно... И почему она нам более необходима, чем вам?

Евгений открыл папку и молча протянул лист Елизавете. Лиза принялась читать: в документе были списки на зачисление в какое-то специальное подразделение. Внизу текста стояла та же самая печать, что и на письме, переданном через Таню.

Лиза:

— И что я из этого должна понять?

Евгений:

— Лиза, ты в списках на зачисление в «Школу птиц». Эти списки составляет определённый круг лиц, в том числе туда входит твой отец. «Школа» меняет людей и мировоззрение. Я здесь, чтобы объяснить тебе, как всё это происходит, чтобы для тебя это не стало таким сильным ударом, чтобы ты была подготовлена.

Лиза:

— А если я не согласна? Какая «Школа птиц»? А вот эта школа, где я учусь?

Евгений:

— У тебя нет выбора. Летом этого года тебя заберут, и это официально. Ты с этим ничего не поделаешь. Тебе лишь нужно быть готовой к этому.

Лиза:

— Как-то это всё выглядит, как похищение! А моё мнение? Может быть, я не хочу! Таня, звони папе!

Евгений:

— Это ваше право, но, думаю, даже отец не сможет с этим ничего поделать.

Евгений развернулся и ушёл из беседки.

Таня:

— Страшно, Лиз...

Лиза:

— Бред какой-то...

Раздался громкий взрыв. Девушки опешили. Из-за заднего двора школы на скорости выехал минивэн, выбив дорожную решётку, и умчался прочь. Девчонки выбежали из беседки. На заднем дворе школы стояла и горела чёрная БМВ. В ней сидел тот самый Евгений — уже обгоревший труп.

Переглянувшись, девчонки убежали с места события домой.

Прибыв домой, они были в шоке.

Лиза:

— У папы в баре есть коньяк...

Таня:

— Он будет ругаться, если мы его возьмём.

Лиза:

— Меня всю трясёт, пусть ругается. Нам нужно успокоиться. — Она достала коньяк и рюмки. — Выпьем.

Таня:

— Хорошо.

Лиза:

— Что-то Балта разволновалась. Пойду покормлю...

Таня:

— Лиза, давай я с тобой!

Лиза:

— Не бойся, всё в порядке. Я сейчас покормлю и вернусь.

Таня:

— Жду. — Выпивая рюмку коньяка.

Лиза вышла во двор. Балта спала. Подойдя поближе вдруг почувствовала на лице тряпку. Она потеряла сознание — кто-то сзади подошёл и усыпил её.

Татьяна, выпив 200 грамм коньяка, недоумевала: куда делась сестра? Она вышла во двор — Балта так же спала, а Лизы нигде не было. Таня забила тревогу и позвонила отцу.

Таня:

— Папа, тут такое... Лизу, похоже, отняли...

Отец:

— В смысле отняли?

Таня:

— Похитили! Балта спит, как будто мёртвая!!!

Отец:

— Успокойся, Тань. Сейчас буду, поговорим...

Отец приехал, увидел Балту без признаков жизни, забежал в дом. Таня сидела в кухне за большим столом, пьяная.

Отец:

— Что ты знаешь? Что ты видела?
Таня:
— Машина бахнула, потом Лиза пошла кормить Балту!
Отец:
— Ты пьяна? Зачем вы взяли мой коньяк?!
Таня:
— Тебя сейчас коньяк волнует?! Где Лиза?
Отец:
— Таня, что произошло? Какая машина бахнула?
Таня:
— Чёрная.
Отец набрал холодной воды и выплеснул в лицо Татьяне.
Отец:
— Очнись! Говори!
Таня:
— Что ты делаешь?! — Кинулась драться.
Тут в дом забежала мать.
Отец:
— Я разберусь сам.
Мать:
— Что орёшь на дочь?
Отец:
— Заткнись, у нас дочь, похоже, похитили.
Мать:
— Кто, твои?
Отец:
— Не знаю.
Таня:
— Машина взорвалась с каким-то Евгением.
Отец прочитав письмо:
— Рано, не может быть!
Мать:
— Чего не может быть?
Таня:
— Ик... Что рано?!
Отец:
— Мне нужно всё узнать. Тут герб «Школы птиц и зверей»... Рано забрали, но этот метод очень похож на звериный.
Мать:
— Ты кто такой?! Где Лиза?!
Отец:
— Я узнаю!
Мать:
— Верни мне Лизу! — Кидаясь на отца с кулаками.
Отец, отбиваясь от ударов, ушёл из дома.

Глава 2: Школа птиц

Лиза очнулась от гула, который будто ввинчивался в виски. Не тот мягкий, далёкий гул, когда стоишь на перроне и ждёшь поезд, а тяжёлый, вибрирующий, от которого дрожит всё тело. Это был самолёт.

На лице — плотный чёрный мешок. Ткань пахла пылью и потом, она липла к коже, и каждый вдох давался чуть тяжелее. Лиза попыталась пошевелиться, но запястья и лодыжки были стянуты чем-то жёстким, не верёвкой — скорее пластиковыми стяжками.

«Не паникуй, — приказала она себе, как на тренировках по рукопашному бою, когда партнёр зажимал в болевом и тренер учил: „Думай, не дыши страхом, тогда выберешься“. — Сначала мысли, затем действие».

Но факты были простыми и пугающими: она не дома, не в школе, не рядом с родственниками. Она в транспорте, скорее всего, в грузовом отсеке или в салоне без окон. Гул самолёта, вибрация пола, лёгкий крен при наборе высоты — всё это складывалось в одну картину. Её куда-то перевозили. Официально в списках «заберут летом», а на деле забрали прямо сейчас.

Лиза вспомнила лицо Евгения в беседке: спокойный голос, чёрные очки, папку с печатью. И потом — взрыв, горящая БМВ, запах гари, который она ещё чувствовала в горле. Всё это было отвлекающим манёвром, как и показателем того, что не нужно вмешиваться в регламент зачисления людей из списков. Пока они с Таней были в шоке от увиденного, кто-то зашёл с другой стороны. Кто-то следил за ними до дома. Кто-то ждал, что Лиза пойдёт кормить Балту. Ждал, когда они разделятся. Кто-то знал её привычки. От этой мысли стало холоднее, чем от тряски самолёта.

Она попыталась вспомнить, что чувствовала перед тем, как потерять сознание. Ничего, лишь темная тишина с каким-то едким запахом от платка. Ни лая, ни шороха, ни дыхания. Балта была без сознания или... Лиза не хотела додумывать.

В голове всплыли строчки из блокнота, который она нашла утром. «Вдруг так получится удержать то, что ускользает». Сейчас ускользало всё. Комната на мансарде, телескоп, бордовые стены, гитара в углу. Даже падающая звезда, на которую она загадала желание, казалась теперь глупой надеждой, по щекам покатились слёзы. И тут сквозь гул самолёта прорвался голос — мужской, спокойный, без лишней интонации:

— Не трать силы на попытки освободиться. Стяжки не порвёшь, а только сотрёшь кожу. Если будешь вести себя спокойно, мешок снимут, когда приземлимся. Лиза стиснула зубы. Спокойный тон был хуже крика. Он звучал так, будто всё уже решено, расписано по пунктам, и её мнение тут не требуется. Как и говорил Евгений: «У тебя нет выбора».

— Кто вы? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. Получилось не очень.

— Тот, кто доставит тебя туда, куда положено.

— В школу птиц?

(Пауза.)

— Туда.

Лиза усмехнулась под мешком. Усмешка вышла горькой.

— А если я не хочу?

— Это не имеет значения.

Эти слова ударили сильнее, чем любая затрещина. Не потому что в них была угроза, а потому что в них не было даже попытки притвориться, что с ней считаются.

Самолёт снова накренился, и Лиза вцепилась пальцами в пол, чтобы не потерять равновесие. В темноте мешка мир сжался до духоты, запаха и режущего чужого голоса. Но именно в этой темноте она вдруг почувствовала, как внутри поднимается что-то упрямое, колющее. То самое, из-за чего она отказалась от зелёных обоев с цветочками. То, из-за чего выбирала бор-

довый и антиквариат. То, что заставляло её вставать раньше будильника и смотреть на звёзды, будто там, в небе, можно найти ответ, который никто не сможет у неё отобрать.

«Если у меня отняли выбор, я найду другой способ выбирать, — подумала Лиза. — Хоть в мелочах. Хоть в том, как я буду смотреть на них, когда снимут этот мешок».

Самолёт пошёл на снижение, и гул двигателей сменился ровным, почти деловитым шумом турбин. Лиза попыталась присесть спиной к стенке борта.

— Не дёргайся, — голос был спокойный, мужской, без угрозы, но и без сочувствия. — Сейчас снимут. Приземляемся.

Мешок стянули, и Лиза первым делом не стала озираться в панике. Она зафиксировала: пилот и сопровождающий смотрят строго вперёд; в салоне не тесно, но пространство разделено перегородками, похожими на отсеки; за иллюминатором — не голые скалы, а широкая долина, зажата между горными хребтами. Посреди этой долины — огороженная территория, аккуратные корпуса, дорожки, даже что-то вроде парка. И два больших здания, стоящих на расстоянии друг от друга: одно с лёгкими, «воздушными» линиями, другое — приземистое, массивное, будто вросшее в землю.

Трап опустили, и девушки выходили по одной. Лиза шла третьей. Воздух был холодным, но не ледяным, пахло хвоей и пылью с дороги. Никакой тюрьмы, никакой клетки — но и никакой свободы. Ограда по периметру, камеры на столбах, охрана в униформе с шевроном, на котором голова льва.

Перед корпусом школы птиц их встретила комиссия наставников — не один человек, а сразу трое: женщина лет сорока с прямой осанкой, мужчина с внимательными, цепкими глазами и ещё одна наставница, молодая, с лёгкой полуулыбкой, которая не касалась взгляда.

— Добро пожаловать в школу птиц и зверей, — сказала старшая, голос звучал не торжественно, а буднично. — Вы здесь не для того, чтобы учиться быть хорошими девочками. Вы здесь, чтобы научиться быть полезными и незаметными. Вас обучат взлому замков, сейфов и техники. В том числе и специальной техники.

Лиза чуть приподняла подбородок. В груди не было паники — скорее, холодный интерес. Как на спарринге, когда против тебя выходит новый партнёр, и ты считаешь его стойку, дыхание, взгляд.

— Вопросы будут позже, — продолжила наставница. — Сейчас — регистрация, распределение, инструктаж.

Их повели не по тёмным коридорам, а по светлым переходам с высокими окнами. Кубрики оказались вовсе не одиночными камерами: комнаты на троих с отдельными шкафчиками, общей зоной, душем в конце коридора. Всё строго, но нормально: не дом, но и не пыточная.

В кубрике уже стояли две девушки. Одна — высокая, с собранными в тугой хвост светлыми волосами, смотрела спокойно, чуть склонив голову, будто оценивала. Вторая — нервная, всё время теребила край футболки.

— Привет, — сказала Алина, негромко, но так, что услышали все. — Я Алина. Это Катя. Ты...?

— Лиза.

Катя выдохнула:

— Тут даже не страшно. Ну, то есть страшно, но... не как в фильмах про тюрьмы.

Алина чуть улыбнулась, но взгляд остался собранным:

— Это потому что они хотят, чтобы ты расслабилась. А потом скажут правила, и станет страшнее.

И правила не заставили себя ждать.

Собрание провели в актовом зале — просторном, светлом, с рядами кресел и экраном на стене. На сцене снова стояла комиссия.

— Школа птиц учит не лобовым ударам, — говорила женщина из комиссии. — Мы учим входить в доверие. Учим считать слабые. Учим быть там, где тебя не ждут, и уходить так, чтобы никто не понял, что ты вообще была.

Женщина продолжила:

— Ваши задания будут в городах поблизости. Вам придётся внедряться в группы, добывать информацию, иногда — соблазнять, иногда — быть «своей» настолько, что вы сами забудете, кто вы на самом деле. Это часть подготовки. Помимо этого будут подобраны индивидуальные занятия, практика и теория в совокупности со школой зверей. Не расслабляемся, птички, у них тоже будут задачи по вам!

Лиза слушала и не морщилась. В её голове это не звучало как угроза — скорее как описание работы. Холодно, расчётливо, по делу. Либо же она просто не подавала виду.

— Никаких контактов с внешним миром, — добавила молодая наставница с той самой полуулыбкой. — Никаких звонков, писем, сообщений. Только по приказу на задание! Нарушение — лишение рейтингов. А рейтинги — это титулы! А титулы — это ваши имена и то, чем вы будете заниматься! Никто же не хочет быть болотной вороной или ободранным попугаем? Никто не хочет вместо заданий и занятий идти и заниматься уборкой туалета в помещениях у зверей?!

После инструктажа их вернули в кубрик. Катя села на кровать и обхватила колени.

— Я не смогу... ну, вот это всё... соблазнять, притворяться...

Алина присела рядом, не обнимая, но так, чтобы быть рядом:

— Ты не должна делать это сегодня. Сегодня мы просто дышим. Завтра будет завтра.

Лиза стояла у окна, смотрела на горы, на тонкую линию дороги, уходящей в город.

— Они думают, что если убрать связь с домом, мы сломаемся, — сказала она спокойно. — Но это не про эмоции. Это про контроль. Они хотят контролировать поток информации. Значит, наш ресурс — то, что мы видим, слышим, запоминаем.

Алина посмотрела на неё с интересом:

— Ты странно спокойна.

— У меня была акробатика, рукопашный бой, танцы. Когда тебя учат держать баланс, ты привыкаешь не показывать, что внутри всё трясётся.

Катя подняла глаза:

— А если я не смогу держать баланс?

Алина мягко, но твёрдо сказала:

— Тогда мы будем держать его за тебя. Пока ты не научишься.

Выходим строиться на «знакомство с территорией» — так это называли наставники. На деле это был короткий, жёстко выверенный маршрут: столовая, учебный корпус, спортзал, внутренний двор, снова к корпусам. Всё по прямой, без лишних поворотов, будто специально, чтобы они не успели запомнить, где можно свернуть. Лиза шла в середине группы, не отставая, не вырываясь вперёд. Она считала шаги между фонарными столбами, запоминала, где камеры висят под углом, а где их обзор перекрывает ветка, отмечала, как охранники переглядываются между собой, когда мимо проходят ученицы. Для неё это было как новая полоса препятствий — только ставки выше.

Они как раз вышли к внутреннему двору, когда из-за угла корпуса школы зверей появилась группа парней. Шли они иначе, чем все тут: не строем, не по линейке, а так, будто пространство вокруг принадлежит им по праву. Широкие плечи, тяжёлые ботинки, взгляды, в которых не было любопытства — только оценка. Один из них чуть замедлил шаг, скользнул взглядом по Лизе, задержался на секунду, будто хотел что-то сказать, но его дёрнули за рукав: «Не тормози».

Алина, шедшая рядом с Лизой, едва заметно качнула головой — совсем лёгкий жест, почти незаметный со стороны:

— Не смотри в упор. Они любят, когда на них смотрят. Любят, когда ты даёшь повод зацепиться.

Лиза чуть опустила взгляд, но не потому что испугалась, а потому что поняла: прямой контакт сейчас — это не сила, это лишнее, ошибка, приводящая к провокации.

— Они всегда так? — тихо спросила она.

— Грубо, нагло, будто весь мир — их полигон. Да. И ещё... Они любят проверять, кто сломается первым. Не поддавайся на провокации, — ответила Алина.

Катя, которая шла с другой стороны от Алины, втянула голову в плечи:

— А если они подойдут?

— Тогда мы будем стоять рядом, — спокойно сказала Алина. — Не как стенка. Просто рядом. Чтобы ты знала: ты не одна.

Парни прошли мимо, и от них пахло не парфюмом, а чем-то резким: металл, кожа, холод. Кто-то из них хмыкнул, но ни один не остановился. Только тот, что смотрел на Лизу, на секунду задержал шаг, будто что-то для себя отметил.

И почти сразу после этого их завели в учебный класс — не обычный, с партами, а просторный зал с мягкими матами, зеркалами и зонами, разделёнными невысокими перегородками. Наставница, та самая молодая, с полуулыбкой, встала в центре:

— Первое практическое занятие. Сейчас не про силу. Сейчас про то, как заставить человека рассказать тебе больше, чем он собирался. У нас тут есть доброволец.

В зал вышел мужчина лет тридцати, в простой серой форме без знаков различия. Он выглядел... обычным. Уставший взгляд, чуть ссутуленные плечи, в руках — пластиковый стаканчик с кофе.

— Это Игорь, работник столовой. Сейчас каждая из вас по очереди подойдёт к нему и за пять минут должна узнать одну вещь: какой у него любимый десерт в собственной столовой. Не спрашивайте прямо. Не давите. Сделайте так, чтобы он сам захотел вам это рассказать. Время пошло.

Первой пошла Катя. Она подошла, неловко улыбнулась, начала что-то лепетать про «тут всё такое вкусное», но Игорь только кивал, не глядя на неё, и делал глоток кофе. Через три минуты он вежливо сказал: «Простите, мне пора», и отошёл. Катя вернулась к девочкам, опустив глаза.

— Я ничего не смогла...

Алина положила ладонь ей на плечо:

— Ты не провалилась. Ты попробовала. В следующий раз будет иначе.

Пришла очередь Лизы. Она не стала улыбаться. Не стала делать вид, что ей очень интересно. Вместо этого она встала так, чтобы не загораживать ему путь, но и не выглядеть просительницей.

— У вас кофе остыл, — сказала она спокойно. — Если хотите, могу принести горячий. Тут вроде автомат рядом.

Игорь чуть приподнял бровь...

— Сама не пью, но заметила.

Он посмотрел на неё внимательнее:

— Да ладно, не надо. Я уже привык к тёплому.

— Тёплый — это когда он ещё помнит, каким был горячим, — сказала Лиза. — А остывший — это когда ему уже всё равно. У меня так с чаем бывает. Пью, потому что надо, а не потому что хочется.

Уголок его губ чуть дрогнул.

— С чаем понимаю. А вот с десертами — нет. У меня там свои слабости.

— Слабости — это нормально, — кивнула Лиза. — Особенно если никто не заставляет их скрывать.

Игорь хмыкнул:

— Ладно, раз уж ты так философски к кофе относишься... мой любимый — яблочный штрудель. Тёплый, с корицей. Когда его пекут, я специально на кухню заглядываю.

Лиза чуть наклонила голову:

— Спасибо, что сказали. Это... приятно, когда кто-то не прячет свои маленькие радости.

Наставница щёлкнула секундомером:

— Время. Вернитесь на место.

Когда Лиза подошла к Алине и Кате, они посмотрели на неё с уважением:

— Ты вообще не пыталась его очаровать. Ты просто... дала ему право быть обычным.

— Иногда это работает лучше, чем улыбка, — пожала плечами Лиза.

Следующей была Алина. Она подошла к Игорю совсем иначе: мягко, без напора, но так, что он сам потянулся к этому разговору.

— Знаете, я всегда думаю, что в столовой самое грустное — это когда десерт выглядит идеально, а на вкус как будто его делали без души. А у вас тут... я чувствую, что кто-то старается. Может, даже вы.

Игорь рассмеялся — впервые по-настоящему:

— Ну, я не пеку. Но штрудель... да, его делают с душой. Я бы даже сказал, с любовью.

Алина улыбнулась:

— Значит, он ваш любимый.

Игорь развёл руками:

— Попался.

Когда все вернулись на место, наставница обвела их взглядом:

— Видите разницу? Катя пыталась понравиться. Лиза дала человеку право быть собой. Алина нашла в нём то, что ему самому в себе нравится. Все три способа работают. Но школа птиц ценит не только результат. Она ценит, как вы его достигаете. И помните: иногда то, что вы узнаете, может быть использовано против вас. Или против тех, кто вам дорог. Помните это всегда, у вас на реальном задании не будет права на ошибку, ошибка подобна смерти!

Лиза посмотрела на Алину. Та чуть заметно кивнула: она поняла, о чём речь. О том, что эти навыки — не просто про «вытянуть информацию». Они про то, как легко можно ранить, зная, что человеку дорого.

А потом, когда их снова вели по территории, Лиза снова заметила того парня из школы зверей — он стоял у угла, будто ждал кого-то. На секунду их взгляды встретились. Он не улыбнулся, не кивнул, просто посмотрел так, будто уже начал её «считывать». И Лиза вдруг подумала: если птицы учатся быть незаметными, то звери учатся видеть тех, кто пытается быть незаметным. Она шла, держа спину ровно, но теперь смотрела не только на камеры и углы, а ещё и на те места, где тень ложилась чуть иначе, где звук шагов на секунду глушился, где воздух становился плотнее от чужого присутствия. Она училась видеть не только пространство, но и тех, кто его занимал.

У поворота к кубрикам их группа чуть замедлилась: впереди кто-то споткнулся, наставница резко цыкнула, и в этот короткий миг тишины Лиза снова увидела его. Тот самый парень из школы зверей стоял уже у другого угла, будто ждал кого-то, но смотрел не на часы и не на дверь, а прямо на поток идущих девушек. И когда их взгляды встретились, он не отвёл глаз. Ни намёка на улыбку, ни вызова, ни даже интереса — просто фиксация. Как будто ставил метку.

Лиза не опустила взгляд. Но и не стала бросать вызов. Она просто... запомнила. Цвет его куртки, потёртость на левом рукаве, то, как он чуть смещал вес с ноги на ногу, будто ему было неудобно стоять спокойно.

— Не задерживайся, — тихо, но твёрдо сказала наставница, проходя мимо. — Здесь не место для разглядываний.

Лиза шагнула вперёд, в ритм колонны. Но краем глаза заметила, как Алина чуть замедлила шаг, чтобы оказаться рядом.

— Ты не обязана отвечать на этот взгляд, — прошептала она, когда наставница ушла вперёд. — Иногда самое сильное, что ты можешь сделать, — это просто не дать ему стать важнее, чем он есть.

Катя, шедшая с другой стороны, нервно сжала лямку рюкзака:

— А если они потом придут на наши занятия? Или будут на нас смотреть во время практики?

Алина пожала плечами, но в её голосе не было безразличия, только спокойная уверенность:

— Тогда мы будем знать, что они смотрят. А знание — это уже не страх. Это информация.

В кубрике было тихо. Свет в коридоре уже приглушили, намекая, что личное время заканчивается. Катя села на кровать, обхватив колени, и уставилась в одну точку, будто пыталась удержать в голове всё, что услышала за день.

— Они говорили про соблазнение, про внедрение... а если я просто не смогу быть кем-то другим? Если я всегда всё выдаю лицом?

Лиза подошла к окну, провела пальцами по раме — не потому что искала, как выбраться, а потому что ей нужно было за что-то держаться.

— Никто не просит тебя становиться кем-то другим навсегда, — сказала она спокойно. — Просят на пять минут дать человеку то, что ему хочется увидеть. Как с Игорем. Он не хотел, чтобы его очаровывали. Он хотел, чтобы с ним говорили как с обычным человеком. Иногда «быть кем-то» — это просто не мешать ему быть собой.

Катя подняла глаза:

— А если он захочет увидеть во мне то, чего нет?

Алина села рядом, не обнимая, но так, чтобы её плечо касалось Кати:

— Тогда ты дашь ему самую маленькую часть правды. Ту, которая не ломает тебя. И будешь держать эту линию, пока не сможешь уйти. Это не предательство себя. Это способ выжить, пока ты учишься быть сильнее.

Лиза посмотрела на обеих и вдруг поняла, что впервые за весь этот бесконечный день ей не хочется быть одной. Холодный расчёт, который она привыкла держать как щит, вдруг стал чуть тоньше, пропуская тепло, которое исходило от Алины и даже от дрожащей, но старающейся держаться Кати.

— Завтра будет ещё одно занятие, — сказала Лиза. — И ещё одно. И мы будем ошибаться. Но каждый раз мы будем запоминать чуть больше. Где камера светит фонариком. Где охранник отвлекается на рацию. Где тот парень из школы зверей задерживает взгляд чуть дольше, чем нужно. Мы будем собирать эти мелочи, пока они не сложатся в одну картину. И тогда у нас снова появится выбор. Пусть маленький. Пусть не про «уйти прямо сейчас», а про «сделать шаг туда, куда мы хотим».

Катя слабо улыбнулась:

— Звучит... как план.

Алина кивнула:

— План из мелочей. Мне нравится.

За окном темнело, горы становились почти чёрными силуэтами, а небо над ними наливалось звёздами. Лиза смотрела на них и думала, что её телескоп остался в мансарде, но небо — то же самое. И если звёзды можно было видеть из дома, значит, можно будет видеть и отсюда. Просто под другим углом.

А где-то на другой стороне территории, у корпуса школы зверей, тот самый парень, не сводивший с неё взгляда, стоял у окна и думал: «Лиза. Спокойная. Не отводит глаз. Не боится,

но делает вид. Читает пространство. Опасна не агрессией, а вниманием к деталям, стратегическим мышлением».

Ночь в кубрике пахла новым текстилем, чуть сыроватым бетоном и чем-то неуловимо чужим — будто само здание не собиралось становиться им домом. Свет в коридоре приглушили до тусклого жёлтого, но не погасили совсем: в школе птиц не любили полной темноты. Говорили, что в темноте люди начинают верить в свои страхи.

Катя лежала, натянув одеяло до подбородка, и смотрела в потолок, будто пыталась прочитать там инструкцию, как пережить этот день. Алина сидела на краю своей кровати, расшнуровывала ботинки медленно, по одному узлу, будто это помогало ей разложить по полочкам всё, что случилось. Лиза стояла у окна, где между прутьями решётки можно было поймать кусочек неба.

— Он на тебя смотрел, — вдруг тихо сказала Катя, не поворачивая головы. — Тот парень. Из школы зверей.

Лиза чуть склонила голову, будто проверяла, не дрожит ли голос, если говорить шёпотом: — Да. Но не так, будто хотел что-то сказать. Скорее... будто составлял список.

Алина стянула второй ботинок и посмотрела на Лизу внимательно, без спешки:

— Это даже хуже, чем если бы он крикнул. Когда на тебя смотрят, как на задачу, хочется доказать, что ты не задача.

— А я и не буду, — спокойно ответила Лиза. — Я буду тем, кто замечает, как он смотрит. Кто видит, когда он моргает, когда переступает с ноги на ногу. Кто запоминает, в какой руке у него блокнот и какой стороной он его держит.

Катя наконец повернулась на бок, подтянув колени:

— Вы говорите так, будто это... нормально. Будто это можно превратить в работу.

Алина мягко улыбнулась:

— Потому что если не превратить в работу, оно станет кошмаром. А мы не хотим кошмаров. Мы хотим выжить и остаться собой.

Лиза отошла от окна, села на свою кровать, не ложась, а просто опустившись, чтобы почувствовать опору:

— Сегодня мы учились вытягивать правду из обычного человека. Завтра будет сложнее. И мы должны быть готовы.

— Значит, будем, — просто сказала Алина. — По частям. По шагам.

Они ещё немного посидели в тишине, которая уже не была давящей, а стала общей. И когда свет в коридоре окончательно стих до тонкой полоски, Катя прошептала:

— Спасибо, что вы рядом.

И никто не ответил громкими словами. Просто Алина погладила её по плечу, а Лиза кивнула в темноту, будто Катя могла это увидеть.

Утро началось не с будильника, а с резкого, металлического звука, который ударил по ушам, как команда «подъём» на плацу. Свет вспыхнул сразу, без подготовки, и в дверях появилась наставница — та самая молодая, с полуулыбкой, которая никогда не доходила до глаз.

— Встаём. Пять минут на сборы. Опоздание — минус балл рейтинга. Сегодня у вас не тренировка. Сегодня — проверка.

В столовой было шумно, но не по-домашнему, а как в казарме: быстрые движения, короткие фразы, взгляды, которые не задерживаются. Завтрак был простым: каша, хлеб, чай. Никто не болтал. Только шелест ложек и скрип стульев.

Когда они вышли во двор, воздух был колючим, и горы, которые вчера казались величественными, сегодня выглядели как стены огромной клетки. Их построили в шеренгу, и перед ними встала старшая наставница, прямая, как штык.

— Вчера вы учились быть приятными, — сказала она. — Сегодня вы будете учиться быть полезными. У нас пропал важный документ. Он не мог исчезнуть сам. Его кто-то взял. И теперь каждая из вас должна выяснить, кто это сделал. Не силой. Не угрозами. Вы должны заставить человека признаться. Или хотя бы выдать себя. Время — до обеда. Кто не справится — минус два балла рейтинга. Кто приведёт к результату — плюс балл и право на дополнительное занятие по выбору.

Девушки переглянулись. Катя побледнела. Алина сжала кулаки, но тут же разжала, чтобы не выдать напряжение. Лиза просто кивнула, будто услышала расписание на день.

— И ещё, — добавила наставница, чуть наклонив голову. — Вы будете работать не одни. Школа зверей тоже участвует. Для них это задание — найти того, кто прячет документ, и забрать его силой, если понадобится. Это не соревнование. Это проверка на прочность. Помните: иногда враг — это тот, кто стоит рядом. А иногда — тот, кто улыбается.

По территории пополз холодок, который не имел отношения к погоде.

Их развели по разным зонам. Лизе, Алине и Кате досталась хозяйственная часть: подсобки, кладовая, комната охраны. Там пахло пылью, машинным маслом и усталыми людьми, которые привыкли, что на них никто не смотрит.

Первым они встретили охранника — сутулого мужчину лет пятидесяти, который курил у двери, будто это был его последний оплот свободы.

— Здравствуйте, — сказала Алина спокойно, но не подобострастно. — Мы новенькие. Нам сказали, что тут могли потерять папку. Вы не видели?

Охранник хмыкнул:

— Тут всё теряют. И находят. Но не для новеньких.

Катя хотела что-то добавить, но Лиза едва заметно покачала головой: не сейчас.

— Мы не ищем, чтобы сдать кого-то, — сказала Лиза. — Мы ищем, чтобы не получить минус в рейтинг. Тут все такие. Никому не хочется быть «ободранным попугаем».

Мужчина посмотрел на неё чуть внимательнее:

— Умные, значит.

— Просто не глупые, — пожала плечами Лиза. — И не злые. Если скажете, что не видели, — мы уйдём. Если видели — скажите, куда идти. Мы не будем никого подставлять.

Он помолчал, затянулся, выпустил дым в сторону:

— Видел, как один из парней со стороны зверей заходил сюда. Минут десять назад. Высокий, тёмные волосы, куртка с потёртым рукавом.

Лиза не моргнула. Она знала, кого он описывает.

— Спасибо, — сказала она ровно. — Этого достаточно.

Охранник чуть склонил голову, будто признал в ней равную:

— Не делайте глупостей. Тут не любят, когда лезут не туда.

Они отошли, и Катя выдохнула:

— Зачем вы ему сказали, что не будете подставлять?

Алина посмотрела на неё мягко:

— Потому что иногда честность — это тоже инструмент. Если ты не выглядишь как угроза, тебе говорят больше.

Лиза шла вперёд, но теперь её шаги были не просто расчётом расстояния. Она искала не документ. Она искала логику: зачем тому парню заходить в подсобку, если он из школы зверей, где работают грубо и напрямую? Что он там искал — или кого?

Они свернули за угол, и там, у стены, стоял он. Не смотрел на них, будто был занят чем-то своим, но Лиза знала: он чувствовал их приближение. Он всегда чувствовал.

Он поднял глаза. Всего на секунду. Не улыбнулся. Не нахмурился. Просто зафиксировал: они здесь. И снова опустил взгляд в свой блокнот.

Лиза остановилась. Не из страха. Из расчёта.

«Он не враг, — подумала она. — Пока не враг. Но он часть системы, которая хочет, чтобы мы сломались. Значит, мы не сломаемся. Мы будем умнее».

Алина тихо, почти беззвучно, потянула её за рукав:

— Не надо. Не сейчас. Мы ещё не готовы.

Лиза кивнула. Один короткий кивок. И они пошли дальше, туда, где коридор уходил в тень, где камеры смотрели не туда, а люди говорили тише.

К обеду документ так и не нашли. Но наставница, выслушав отчёты, смотрела на Лизу чуть дольше, чем на остальных.

— Ты не бегала и не кричала, — сказала она, будто это было похвалой. — Ты слушала. Это уже половина успеха.

Лиза ничего не ответила. Просто приняла это как факт.

А вечером, когда они снова сидели в кубрике, Катя уже не дрожала.

— Я думала, что не смогу, — сказала она тихо. — Но сегодня я не плакала. Я просто шла рядом.

Алина улыбнулась:

— Этого достаточно. На сегодня.

Лиза подошла к окну. Горы были чёрными силуэтами, а небо — полным звёзд.

— Завтра будет новый день, — сказала она спокойно. — И новое задание. Но мы уже знаем: мы не одни. И мы учимся.

Три года пролетели не как время, а как серия жёстких срезов: утро — инструктаж, день — поле, вечер — разбор ошибок, ночь — короткие минуты, когда можно выдохнуть и понять, что ты всё ещё ты.

Школа птиц не оставляла пространства для «просто отдохнуть». С каждым месяцем задания становились тоньше, а ставки — выше. Сначала это были разговоры у автомата с кофе, потом — внедрение в студенческие тусовки, затем — работа с людьми, у которых на кону стояли деньги, репутация, свобода. А потом начались те самые задания, где грань между «убедить» и «сломать» становилась почти невидимой.

Лиза, Алина и Катя теперь двигались как единый механизм: Катя — глаза, она замечала то, что ускользало от других; Алина — голос, она знала, как сказать так, чтобы человек сам захотел довериться; Лиза — ось, она держала направление, когда всё вокруг начинало рушиться. Они не просто стали лучшими подругами. Они научились чувствовать, когда одной из них становится тяжело, ещё до того, как та успевала это произнести.

Иногда это проявлялось в мелочах. В столовой Алина незаметно пододвигала к Лизе тарелку с тем самым супом, который Лиза терпеть не могла, но который был единственным горячим в тот день — молчаливое: «Ты не обязана это есть, но я знаю, что тебе нужно тепло». Катя, если видела, что Лиза слишком уходит в расчёт и перестаёт замечать людей, тихо говорила: «Посмотри на его руки. Он волнуется». И Лиза смотрела. И возвращалась.

Но между Лизой и Алиной было больше, чем просто дружба. Это была связь, выточенная на контрастах: холодная собранность Лизы и тёплая, но стальная воля Алины. Они не касались друг друга лишней раз, но им и не нужно было. Иногда хватало одного взгляда: Лиза чуть приподнимала бровь — Алина едва заметно кивала. Этого было достаточно, чтобы понять: «Я вижу, что ты на грани. Я держу эту сторону». В этих взглядах были искорки внимания — не романтики, а глубокого, почти родственного узнавания: «Ты — моя опора, а я — твоя».

Сегодняшнее задание было из тех, после которых наставницы не спрашивали: «Как ты себя чувствуешь?» — они спрашивали: «Что ты сделала?»

Их вызвали в кабинет старшей наставницы втроём. В комнате пахло бумагой, кофе и чем-то терпким, как перед грозой. На столе лежала папка, но её не открывали.

— Сегодня не про наблюдение, — сказала наставница, глядя прямо на Лизу. — Сегодня про действие. В баре «Графит» в городе будет сидеть человек. Его зовут Виктор. У него в телефоне — данные, которые нам нужны. Пароль он не скажет. Но он любит определённый сорт виски. И он любит, когда с ним говорят не как с целью, а как с человеком.

Катя сглотнула, пальцы её чуть дрогнули, но она тут же спрятала руки в карманы:

— Мы должны... соблазнить его?

Наставница чуть наклонила голову:

— Школа птиц не учит быть приманкой. Школа птиц учит становиться тем, в ком человек хочет увидеть союзника. Иногда это требует близости. Иногда — риска. Иногда — маленьких уловок.

Алина подняла глаза:

— Каких уловок?

— В баре есть коктейль, который он всегда заказывает. В него можно добавить препарат, который снизит его бдительность, но не навредит. Это разрешено по протоколу. Ваша задача — не дать ему заметить, что что-то не так. И получить доступ к телефону.

Лиза не вздрогнула. За три года она научилась не вздрагивать от таких формулировок. Но внутри неё что-то сжалось не от страха, а от тяжести: они учили их не просто манипулировать — они учили их размывать границы, делать это так гладко, чтобы жертва сама хотела им помочь.

— А если он не захочет пить? — тихо спросила Катя.

— Тогда вы найдёте другой способ. Но помните: время ограничено. И если вы не вернётесь с данными, рейтинг упадёт. А с низким рейтингом вы не сможете выбирать задания. Вы будете выполнять то, что скажут.

Бар «Графит» был тёмным, гудящим, пахнущим табаком, духами и чужим напряжением. Лиза шла первой, не как лидер, а как та, кто меньше всего привлекает внимание в такой обстановке: спокойная, собранная, будто она просто пришла выпить и подумать. Алина шла рядом, чуть мягче, чуть более открытой, чтобы её хотелось разговорить. Катя замыкала, её задача была — следить за выходами, за охраной, за тем, как движется персонал.

Виктор сидел у стойки, в полутени, но Лиза сразу его узнала: по тому, как он держал стакан с тем определённым сортом виски и ещё она подметила коктейль, будто это был знак.

Они сели неподалёку. Не слишком близко, чтобы не спугнуть, но так, чтобы оказаться в его поле зрения. Катя заказала воду. Алина — коктейль, который, как они знали, был тем самым, в который можно было незаметно подсыпать препарат. Лиза ничего не заказывала.

Через несколько минут Виктор скользнул по ним взглядом. Задержался на Алине — она как раз смеялась над какой-то шуткой бармена, легко, искренне, без напряжения. Потом его взгляд скользнул к Лизе. И замер. Не потому что она была красивой, а потому что она не пыталась быть заметной. И именно это делало её заметной.

Он подошёл. Не сразу. Сначала допил свой напиток. Потом встал, подошёл к их столику.

— Вы новенькие? — спросил он, глядя больше на Лизу, чем на остальных.

Алина улыбнулась, но не широко, не навязчиво:

— Скорее, уставшие. День был длинный.

— Понимаю, — кивнул он. — Тут либо устаёшь, либо сгораешь.

Лиза чуть наклонила голову:

— Иногда кажется, что это одно и то же.

Виктор хмыкнул:

— Умные. Мне это нравится.

Алина подвинула к нему свой коктейль:

— Попробуйте. Говорят, тут делают лучший в городе.

Он посмотрел на неё, потом на коктейль, потом снова на Алину. В его взгляде мелькнуло что-то вроде уважения:

— Ты не пытаешься меня очаровать. Ты просто предлагаешь.

— Я не люблю сложных игр, — спокойно сказала Алина. — Иногда проще дать человеку то, что ему нужно. Даже если это просто напиток.

Он взял стакан, сделал глоток. И кивнул:

— Действительно хороший.

Лиза смотрела не на него, а на его руки, на то, как он держит стакан, на то, как меняется его поза: плечи чуть опускаются, взгляд становится мягче. Препарат начал действовать.

— У тебя усталые глаза, — вдруг сказал он Лизе, будто только сейчас разглядел её. — Ты тоже не любишь игры?

Лиза чуть приподняла бровь:

— Я люблю, когда правила понятны.

— В жизни редко бывает понятно, — усмехнулся он. — Но иногда... иногда можно найти кого-то, кто смотрит на вещи так же, как ты.

И в этот момент Лиза поняла: он уже наполовину доверился. Не из-за препарата. Из-за того, что Алина дала ему ощущение, что его не хотят использовать. А Лиза — не пыталась казаться кем-то другим.

Телефон лежал у него в кармане. Ещё минута, и можно было бы сделать ход. Но Лиза вдруг почувствовала, как внутри поднимается что-то холодное и острое — не страх, а протест против того, как гладко всё это работало. Как легко они могли заставить человека раскрыться.

Алина заметила это. Её взгляд скользнул к Лизе, и в нём читалось: «Мы можем остановиться. Мы можем придумать другой способ».

Лиза едва заметно покачала головой: нет, останавливаться нельзя. Но можно сделать так, чтобы это не сломало его.

Алина наклонилась чуть вперёд к уху Виктора:

— Потанцуем? — Тем временем достала телефон из правого кармана и передала за его спиной Кате.

— Мне нужно в дамскую комнату — Вставая произнесла Катя

— Хм... А я пожалуй, что-нибудь закажу.

Пока что Алина отвлекала внимание своим танцем с Виктором, Катя скопировала данные с его телефона в свой и вернулась к стойке.

Алина подошла к ней и незаметно забрала телефон, якобы хотела, что-то спросить. Затем вернулась к Виктору поблагодарить его за Танец, а сама обнимая вернула телефон обратно ему в карман.

— Фух... Давно я так не танцевала!

— Да, двигаешься клёво — заметил Виктор.

— Девушки, не хочу отвлекать вас от отдыха, но нам пора! Уже звонили — Сказала Лиза Когда они вышли из бара, воздух ударил по лицу, как холодная вода. Катя выдохнула:

— У нас получилось!!!

Алина покачала головой:

— Это наша работа. И она получилась идеально!

— Да! Мы хорошая команда!

Алина подошла ближе, чуть играючи толкнув плечом:

— Именно поэтому мы до сих пор мы! А не просто инструменты.

Год пролетел не как срок, а как серия всё более узких коридоров, где каждый поворот мог стать тупиком. Задания теперь не делились на «сложные» и «простые» — они делились на

те, после которых ты возвращалась прежней, и те, после которых приходилось заново собирать себя по осколкам.

Лиза менялась. Её движения стали ещё тише, голос — ровнее, а взгляд — таким, будто она видела не только то, что перед ней, но и то, что будет через три шага. Алина по-прежнему была её якорем: она не давала Лизе превратиться в холодный механизм. А Катя, которая когда-то дрожала от одного вида охранника, теперь могла часами сидеть в кафе напротив объекта, делая вид, что листает книгу, и замечать каждую смену караула.

Их связь стала глубже, чем дружба. Это была боевая троица, где каждая знала, на чью слабость можно опереться, а чью — беречь. Между Лизой и Алиной по-прежнему не было ничего, кроме взглядов, в которых читалось: «Я вижу, что тебе тяжело. Я держу эту сторону». Но в этих взглядах теперь было больше тепла и больше боли — потому что они слишком часто видели друг друга на грани.

В тот день их вызвали не в кабинет наставницы, а в зал для брифингов — с экранами, картами и холодом стерильности. На стене висела фотография мужчины лет пятидесяти: аккуратная седина, жёсткая линия губ, взгляд, который будто заранее знал все твои уловки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.